

Андрей Яковенко

Элдраданская НИТЬ

Андрей Яковенко

Элдраданская Нить

<https://litres.ru/74124917>

SelfPub; 2026

Аннотация

Группа авантюристов решается объехать весь Элдрадан, который совсем недавно оправился после страшной войны. Прежде такое казалось невысказанным, ведь этот удивительный континент далеко не так дружелюбен, как могло показаться - кругом политическая нестабильность, разруха, голодные чудовища и отчаявшиеся люди.

Как именно сложится путь для героев и какое значение будет иметь их смелое путешествие? Узнайте всё об открытии Элдраданской Нити вместе с легендарным Лирианом Рапсодом.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Яковенко

Элдраданская Нить

Пролог

Надвигался сезон Процветания, и сам воздух Элдрадана, казалось, стал гуще и слаще от ожидаемого изобилия. В плиорском графстве Мигос, где старые лиственные леса веками хранили свои тайны и пели шепотом ветра, природа совершала свой ежегодный, медленный, но неумолимый переворот.

Зелень, еще недавно казавшаяся бледной после долгого сна, теперь обретала глубокую, почти чернильную насыщенность. Солнечный свет, пробиваясь сквозь густые кроны дубов и кленов, ложился на лесную подстилку мозаикой золотых пятен, которые, впрочем, тут же тонули в бархатной тени.

Тропы, извивающиеся между корнями, чьи узловатые выступы напоминали скелеты древних зверей, были устланы мягким мхом. В этом сумраке, где дневной свет казался лишь воспоминанием, расцветали растения, чья красота была столь же пленительна, сколь иногда и обманчива.

Среди них выделялись вьющиеся лозы сиреневого ветерка. Эти цветы, подобно крохотным звездам, обрамленным

лавандовыми лепестками с белой сердцевинкой и закрученными кончиками, хранили свою красоту в великой скромности. Они раскрывались лишь тогда, когда окружающее пространство было пустынно – стоило живому существу приблизиться, как лепестки мгновенно сворачивались в тугие, зеленые бутоны, словно боясь чужого взгляда. И только когда мимо проносился долгожданный ветерок, омывая пыльники этих цветков, роща наполнялась их тончайшим ароматом.

Но куда более странные и настораживающие чудеса таились в самой гуще, там, где земля оставалась темной, а свет едва проникал сквозь навес ветвей. Здесь, в сырой почве, где корни деревьев сплетались в неразличимые узлы, поднималось растение, достойное пера самого мрачного летописца. Змеиные лилии, – так называли их местные, – являли миру необычайное зрелище. Из плотного ложа широких, темно-зеленых листьев вырастали три, а иногда и более, толстых, похожих на змей стеблей, увенчанных чашечками бледно-розовых цветков. Казалось, что поникшие головки бутонов следят за путником, а сам цветок готов выдохнуть ядовитую пыльцу. Как говорят, природа, творя красоту, будто не могла удержаться от добавления нотки грозного, дикого озорства.

Лес Мигоса был живым, дышащим организмом, и его здоровье зависело от невидимых, усердных тружеников. Среди коры старых деревьев и под ней сновали древотелы – жуки,

чьи хитиновые панцири отливали старой медью и изумрудом. Эти неутомимые архитекторы леса не просто поедали гниль, но вели с деревьями нечто вроде тайного договора: они выгрызали больные ткани, очищая сердцевину от тлена, а взамен получали смолистые соки и защиту. Их непрерывное шуршание, похожее на далекий, сухой шелест пергамента, служило лесу своеобразным ритмом, гимном долговечности.

В более открытых местах, где солнечные блики ломались на влажной листве, можно было заметить и более привычных обитателей Элдрадана: серые спинки лесных кроликов мелькали в подлеске, лисы с огненно-рыжими хвостами настороженно обходили границы своих владений, а юные вепри с полосатой шерстью неуклюже рылись в земле в поисках корешков.

Но вся эта мирная суэта меркла перед возможной встречей с истинным хранителем этих зарослей – лесным муфлоном. Этот зверь, что достигает в плечах высоты полутора человеческих ростов, казался явлением из забытой эпохи. Его шерсть, густая и шелковистая, несет в себе оттенок чистого, расплавленного золота, которое не тускнеет даже в самой глубокой тени.

Морду его украшает струящаяся борода, белизной не уступающая первому снегу, она ниспадает до самой могучей груди. Над выглядывающими из-под лохматых бровей пронзительными, коричневыми глазами, полными мудрости ве-

ков, изогнутыми дугами поднимаются рога, огромные и величественные. Говорят, что достаточно прикоснуться к его бархатному рогу, чтобы исцелить любую язву и изгнать застарелую хворь. И муфлон иногда даже позволяет людям приближаться к себе, ведь этот одинокий травоядный гигант добр, но его благородный нрав соседствует с осторожностью – он всегда ищет уединения, питаясь сочной зеленью где-то в глуши.

В этот самый час, когда лес Мигоса купался в золотисто-зеленом полумраке, а муфлон, подобный солнечному видению, тихо пасся у корней древнего бука, на сцену вклинился совсем другой, более суетливый и звонкий элемент.

Среди густых зарослей, где листва была влажной от недавней росы, перед пышным кустом остановился Лириан Рапсод, облаченный в свой неизменный зеленый камзол и небольшую шапочку с выступающим пером. Глаза его, острые, как у хищной птицы, но сейчас горящие чистым любопытством, были прикованы к грозди ягод. Они были цвета бирюзы, полупрозрачные, словно капли застывшего неба, и поблескивали так маняще, что не заметить их было просто невозможно.

– Ах, какое диво! – прошептал эльф, инстинктивно поправляя перекинутую через плечо сумку. – Я, кажется, не заносил эту причуду в свой список. Несомненно, это источник новой, невиданной гармонии!

Не раздумывая о том, насколько опасно употреблять неиз-

вестные лесные плоды, Лириан сорвал несколько блестящих ягод, не преминув заметить: «Повторяющий старые куплеты – всего лишь тень певца. Истинное вдохновение ждет там, где ноты еще не были сотканы».

Он поднес их к губам, наслаждаясь моментом ожидания, когда новый вкус должен был родиться на языке. Сначала он бережно разжевал одну ягоду, стараясь уловить ее сущность, будто настраивая сложную струну. Но ожидаемая сладость или, быть может, землистая терпкость, обернулись чудовищным откровением.

Лицо юного эльфа мгновенно исказилось, а его аристократические черты сменились гримасой, невольно имитирующей вид гоблинского менестреля, получившего по голове. Резкая кислота пробила вкусовые рецепторы и, кажется, дошла до самого мозга, вызывая непроизвольную дрожь.

С громким, совершенно немзыкальным всхлипом он выплюнул остатки ягоды обратно в листву.

– Какая же гадость! – выдохнул Лириан, голос его слегка дрогнул от спазма, и он тут же поспешно достал флягу с чистой родниковой водой. Эльф яростно полоскал рот, пытаясь смыть эту агрессивную горечь.

Он нахмурился, оглядывая лес уже не с восторгом, а с досадой.

– Ох, прозаическая напасть, – простонал он, проглотив остатки воды, – как жаль, что закончились те листья комжухи, которые я заполучил в Раффлхоллоу! Какой чудесный,

мягкий чай получался! Он раскрывал мелодии, будто утренний рассвет! Теперь же... теперь мне совершенно не от чего черпать вдохновение!

Эльф театрально прижал ладонь к груди, вздыхая так, что в его жестах уже читался будущий куплет о трагической потере.

Для Лириана Рапсода вдохновение было не просто божественным даром, а скорее тонкой материей, которую нужно было постоянно подпитывать новыми ощущениями. Он искренне верил, что острота или кислота незнакомого плода – это лишь замаскированная симфония, которая, будучи правильно извлеченной, станет основой для великой песни. Ему было совершенно неважно, что его эльфийский организм, более тонкий, чем у некоторых других рас, порой отзывался на эти «симфонии» болезнями. Он отметал страхи все эти страхи. Природа, в его понимании, была великой, но не враждебной силой, и если она давала странный плод, значит, в нем был скрыт потенциал, а не проклятие.

Так, однажды, еще в те времена, когда эльф проживал в Мелколесье, его эксперимент закончился весьма плачевно. Сильнейшее отравление, сопровождавшееся рвотой и мучительной головной болью, он списал на некачественный эль, поданный стариком Хлодом Мордовником.

– Это пошло, как высохшая трава, – пафосно заявлял он тогда полурослику, трясясь от жара. – Оно несет в себе лишь уныние, а не веселье!

Хлод, крепкий, как старая дубовая бочка, не простил барду этого обвинения. С тех пор трактир Мордовника стал для Лириана запретным местом, а сам эльф, не приняв урока, лишь укрепился в мысли: «Проблема не во мне, а в источнике вкуса, который я должен научиться различать».

Теперь, отплевавшись от бирюзовой отравы, он вновь принялся за свой блокнот. Его рука, несмотря на дрожание, быстро вывела несколько неровных строк, воспевающих горечь и разочарование, надеясь, что это поможет ему отвлечься от жжения во рту.

– О, ядовитый дар лесов... – начал эльф, но внезапно запнулся. Он услышал кое-что, что было куда интереснее его гастрономического фиаско. Где-то вдалеке, нарушая лесную тишину, послышался тяжелый топот. И не один.

Звук, нарушавший умиротворенность лесной чащи, нарастал, переходя из размеренного гула в ритмичный стук, отдававшийся в самой земле. Лириан скользнул сквозь густые заросли папоротников и вышел к старой, заросшей вереском дороге, которая, как говорили ему шахтеры Эналдука, вела через Плиорию к далеким восточным странам.

Перед ним развернулась сцена, совершенно не вяжущаяся с влажным, сиреневым пейзажем графства. Дорогу занимала массивная, грубо сколоченная повозка, чьи колеса тяжело скрипели, пробиваясь через лесную грязь. Но не сама повозка привлекла внимание эльфа, а ее тягловая сила.

Это были существа, рожденные не для тенистых лесов, а

для палящего солнца Дюн. Два огромных, парнокопытных зверя тащили повозку, и вид их был столь странным и величественным, что даже сердце известного барда дрогнуло.

Их тела были массивными, покрытыми гладким пушком бледного, почти белого оттенка, что говорило о происхождении из жарких, выжженных солнцем мест. Высокие спины венчали два отчетливых, невысоких горба, покрытых более грубой, стоящей шерстью.

Но самой поразительной была их голова. У них были благородные и вытянутые морды, как у оленей, венчаные парой длинных, изогнутых рогов, напоминающих рога орикса, но с явными кольцевыми выступами. Грива, более густая и кремовая, спадала по шее, а нижняя часть ног была украшена густой белесой бахромой, скрывающей копыта, которые, казалось, были идеально приспособлены для рыхлого песка, а не для мокрой лесной почвы. Складки кожи на горле и боках свидетельствовали о невероятной выносливости.

Эльф замер. Он никогда не видел подобных созданий так близко. Вдохновение вновь вспыхнуло в нем ярче, чем когда-либо. Это были не просто выючные животные – это была живая, странствующая легенда, пришедшая из восточных пустынь, в которых он уже давно мечтал побывать.

Повозкой управлял молодой фухс – представитель одного из древнейших восточных народов. Его густая шерсть горела насыщенным, пламенно оранжевым цветом, словно он впитал в себя все закаты, которые видел на пути из родных пу-

стынь. Белый мех обрамлял его изящное, хитроумное лицо и был похож на пышное жабо. Острые уши настороженно ловили каждый шорох. Он был одет в свободные голубые одежды, поверх которых накинут роскошный, ярко-синий плащ, скрепленный у плеч старинными золотистыми брошами. На ногах были кожаные сандалии, перехваченные ремешками, а за спиной качался пушистый хвост с белым кончиком.

Грохот остановился. Фухс посмотрел на эльфа, и на его лице расцвела приветливая, чуть лукавая улыбка.

– Куда направляешься, путник? – его голос был неожиданно мелодичен, с легким, тягучим акцентом.

Лириан, забыв о горечи ягод, поклонился с эльфийской грацией, мгновенно переключаясь в режим «исполнителя».

– На Восток, уважаемый, – ответил он почтительно. – Стремлюсь туда, где история шепчет громче, чем ветер.

– Мы с семьей держим путь в Аль-Ришап, – произнес фухс, жестом указывая на своих тягловых животных. – Это центр всего восточного мира, колыбель древних знаний. Можем подбросить вас, если ваша дорога лежит туда.

– Если это никак не обременит вас и ваших... спутников, – отметил Лириан, понимая, что отказ будет невежливым. – Мне бы добраться хотя бы до Идиллиады.

Фухс изогнул бровь, и его золотистые глаза вспыхнули интересом.

– Эльф хочет побывать в стране кентавров? Интересное, конечно, желание. Идиллиада... Бесконечные луга. Если не

секрет, чем она так привлекает вас?

Лириан расплылся в улыбке. Это был его шанс.

– О, я странствующий бард, господин фухс...

– Просто Гайсан, – рассмеялся фухс, и его хвост слегка качнулся. – До «господина» мне еще нужно выслужиться у своего племени, что, поверьте, нелегкая задача.

– Без проблем, Гайсан. Мое имя Лириан Рапсод, и я путешествую по Элдрадану в поисках интересных историй и легенд.

Услышав имя, Гайсан расцвел еще больше.

– Неужто, тот самый Рапсод, обожаемый посетителями всех таверн Тхумии и Плиории? Для меня и моей семьи будет большой честью сопроводить такую знаменитость. Вы уже спасли меня от скуки!

Лириан принял похвалу с деланным смирением. Конечно, ему нравилось, что его узнали, но сейчас он старался выглядеть скромным путником.

– Да, он самый, – кивнул бард. – Но мне не нужно столько почестей, Гайсан. Просто эльф Лириан, которого вы по доброте душевной согласились подвезти. Договорились?

– Заметано, Лириан! – Гайсан махнул рукой в сторону повозки. – Прошу тебя на борт. Надеюсь, повозка не покажется тебе слишком жесткой, она уже давно требует обновления.

Пока Лириан, осторожно переступая, взбирался на массивную телегу, он не мог отвести взгляда от тягловых животных.

– Гайсан, позволь спросить, – обратился он к фухсу, усаживаясь на край повозки. – Как называются эти дивные звери, которые тащат твою повозку? Я слышал о них, но никак не могу вспомнить название.

Гайсан с нежностью похлопал по спине ближайшего зверя.

– Это дюноходы. Одни из самых выносливых и вездеходных выючных животных в Элдрадане. Мой народ издревле использует их для долгих путешествий. Они способны передвигаться как в палящем зное, так и в ледяном морозе, по зыбучим барханам и по снежным вершинам.

Лириан кивнул, уже представляя, какой эпический куплет он сочинит о гордых, белоснежных зверях пустыни.

Только он устроился на грубом деревянном сиденье, как ощутил на себе осторожный, но пытливый взгляд. Когда эльф обернулся, перед ним предстало забавное зрелище: из узкого окошка повозки выглядывали два маленьких носа, обрамленных пушистой шерсткой оранжевого оттенка.

Пара больших глаз, мальчишечьих – янтарного цвета, и девчачьих – глубоких шоколадных, уставилась на эльфа с незамутненным любопытством и трепетом. Малыши, заметив, что их обнаружили, тут же втянули головы обратно, как суслики в нору, но через мгновение осторожно выглянули снова.

– Эм... Здравствуйте, – неуверенно произнес Лириан,

слегка склонив голову.

Парочка фухсийских отпрысков резко исчезла из поля зрения, и эльф услышал глухое шуршание и тихий смешок внутри повозки.

– Прошу прощения, Гайсан, – Лириан повернулся к извозчику, смущенно улыбаясь. – Кажется, я напугал твоих детей.

Гайсан разразился мягким смехом, больше похожим на мурлыканье большого кота.

– О, не тревожься, Лириан! Они просто без ума от эльфов с тех пор, как попали на Праздник Жизни в Шамбориле. Твоих сородичей там, признаться, было немало. Дети были в восторге... но немного напряжены. То подходят, то пьются – не поймешь этих малышей, – он снова рассмеялся, добродушно поглаживая поводья.

Из затемнения повозки внезапно возникла третья фигура. Фухсийка, стройная и изящная, показалась в проеме окна. Ее огненная шерстка переливалась теплыми янтарными цветами, резонируя с насыщенным мехом Гайсана. На ней было платье из плывущей бледно-голубой шелковой парчи, украшенное замысловатыми вышивками серебристой нитью – изображениями соляных цветов и горных хребтов.

На голове у нее была повязана шейла небесного оттенка, нижний край которой был усыпан мелкими камнями – лазуритом и белым кварцем, мерцавшими при малейшем движении. Но более всего приковывали ее глаза – темно-карие, глубокие, полные не то царственности, не то теплой насмеш-

ливости.

– Правду сказать, это все из-за дедушкиных сказок про злобных лесных жителей, – мягко произнесла она, ее голос напоминал мелодию струнного инструмента с легкими перкуссионными нотками. – В его историях эльфы – существа прекрасные, как первые звезды, но такие же коварные, как змии под камнями. Потому дети и теряются, господин Рапсод. – Она кивнула Лириану, а ее хвост с белоснежной кисточкой изящно изогнулся в приветствии. – И да, меня зовут Локсана, жена этого добродушного извозчика, – она кивнула в сторону Гайсана. – Рада знакомству.

Лириан почтительно склонился, стараясь не задеть своей шапочкой потолок повозки.

– И я безмерно рад, госпожа Локсана. Ваша семья необычайно учтива, – он поймал себя на том, что говорит чересчур вычурно, и слегка сбавил напыщенность. – Я уже благодарен за ваше радушие... и всегда готов развеять дедушкины сказки новой песней о дружелюбии эльфов.

Мальчонка снова выглянул из-за спины матери, и на этот раз робкая улыбка тронула его мордочку. Лириан подмигнул ему, и ребенок чуть пискнул от восторга, снова прячась в складках платья Локсаны.

– Вижу, площадка для дипломатии найдена, – усмехнулась Локсана. – Гайсан, может, стоит дать великому барду место получше, чем эта доска с гайками?

Гайсан согласно кивнул, а Локсана жестом пригласила Ли-

риана внутрь повозки, где было просторнее и мягче.

В это мгновение дюноходы, терпеливо наблюдавшие за заминкой, нежно замычали, словно напоминая, что путь в Аль-Ришап еще долгод.

Лириан шагнул за деревянный порог повозки, и его обняло тепло домашнего уюта, пропитанного ароматом сушеных трав и кожей дорожных мешков. Пространство внутри было небольшим, но устроенным с восточной мудростью: стены обиты узорчатыми коврами с красивыми орнаментами в медных и лазурных тонах; свертки с пожитками аккуратно уложены в нишах под сиденьями, превращая их в импровизированные сундуки. На полу лежали шкуры с мягким ворсом – защита от колдобин на дороге. В углу висела медная лампа в форме цветка лотоса, ее тусклый свет отбрасывал на стены пляшущие тени.

– Киран, Улада, – голос Локсаны, спокойный и властный, заставил детей вынырнуть из-за складок одеяла. – Это господин Лириан Рапсод, настоящий эльф и великий певец. Он добрый и веселый, на лютне играет так, что птицы заслушиваются.

Мальчонка Киран, весь в шерстке оранжево-молочного оттенка, утопал в огромных зеленых штанах, явно перешитых из отцовских. Его уши дрожали от волнения, а хвостик подрагивал, как тростинка на ветру. Старшая Улада, носившая скромное платье цвета увядших листьев, старалась изображать взрослую сдержанность, но глаза ее сияли

любопытством.

Тишину разрезал робкий голос Кирана.

– П-правда ли... – он запнулся, переводя дыхание, – что раз в десять лет эльфы с... сбрасывают кожу, как змеи? Дедушка говорил, что так вы... остаетесь молодыми.

Локсана укоризненно подняла бровь, но Лириан мило рассмеялся.

– Какая очаровательная ересь, – начал он, присев на уровне глаз малыша. – Киран, если бы это было правдой, то по всему миру сейчас было разбросано двадцать очаровательных шкурок... и какие-нибудь самозванцы могли бы нацепить их на себя и притворяться Лирианами Рапсодами! Просто представь, двадцать таких же прекрасных эльфов сейчас бродит где-то по Элдрадану. – Лириан снова рассмеялся. – Нет, мы просто... медленнее стареем. Как вино в дубовой бочке.

Теперь Улада чуть выдвинулась вперед:

– А... а правда, что вы говорите с деревьями? Что они шепотом рассказывают вам тайны?

Лириан улыбнулся, ловко перебирая воображаемые струны:

– Деревья – мудрые старцы, Улада. Они помнят каждый дождь и каждое солнце, что касалось их ветвей. Мы чувствуем их жизнь... как тепло от костра или дрожь земли под копытами коня. Но, – он подмигнул, – если бы они говорили, я бы попросил их громче шептать. А то вечно путаю: то ли

ветер гудит, то ли дуб ворчит на дятлов!

Улада и Киран тут же громко рассмеялись. Локсана покачала головой, скрывая улыбку:

– Дети, довольно допекать нашего гостя глупостями!

– Ничуть, госпожа, – Лириан поднялся, грациозно поправляя свой камзол. – Гораздо хуже, когда небылицы застревают в умах, как колючки в плаще.

Наступила пауза, заполненная лишь скрипом колес и легким сопением дюноходов. Киран, набравшись смелости, потянул барда за рукав камзола:

– Вы не споете для нас? Пожалуйста.

– Да, мы слышали пение эльфов в лесах, но оно доносилось к нам эхом. Хочется услышать их по-настоящему, – добавила Улада.

Лириан замер, затем медленно улыбнулся. Его пальцы уже искали ремни путешественника, где была закреплена заветная ноша.

– Новую песню желаете услышать? – спросил он, будто начиная тайный ритуал. – Сочинил ее по пути из шахтерского города Раффхоллоу. Это история, достойная огласки.

Он взял в руки лютню – верную подругу стольких лет странствий. Инструмент носил на себе следы бесчисленных дорог: передняя дека, тщательно лакированная в глубокий вишневый оттенок, все еще сверкала, как шлифованный рубин. Но тыльная сторона, вырезанная из старого клена, была исчерчена царапинами и потертостями – свидетельство па-

дений в ущелья, ударов о камни и бесчисленных ночей под открытым небом. Гриф, инкрустированный перламутром в виде спиральных лоз, местами потемнел от тысяч прикосновений. На деке красовался резной узор – две драконьих ветви, огибающих резонаторное отверстие, где некогда отбился кусочек дерева, заботливо склеенный сосновой смолой.

– Для меня большая честь, – продолжил Лириан, перебирая колки с привычной точностью часовщика, – впервые исполнить ее перед такой приятной публикой.

Локсана ласково прижала детей к себе, и ее глаза блеснули искренним интересом:

– Для нас же будет огромной привилегией услышать премьеру песни великого барда.

Эльф мягко постучал по деке, проверяя натяжение струн, затем ударил большим пальцем по басовым. Вибрирующий звук наполнил душное пространство повозки...

На востоке Плиории раскинулся край, вздымается Эналдук, суровый, как сталь.

В недрах его, где лишь сумрак царит, живет народ угрюмый, что гору хранит.

Гномы-шахтеры, бледны, как луна, сгорблены спины, без волос голова.

Их взор равнодушен, их шаг тяжел, им чужд аромат цветов и озер.

Их мать – лишь скала, отец – лишь гранит, а вера – в Тол-

гара, он мудрость таит.

Он – бог их глубин, бог их труда, в нем сила их жизни, в нем вся их судьба.

Не ведом им смех, не знакома печаль, а жизнь наверху – лишь далекая даль.

Земля – их владычица, камень – их трон, свой век они тратят, влекомы в полон.

Но грянул вдруг час, и жизнь их вверх дном, когда сам Толгар явился им сном.

В недрах горы, где не видно теней, даровал он им знак, что всех ярче огней!

Массивный валун, мерцавший внутри, сей Камень в момент их глаза озарил.

Символ господства, венец всех богатств, творение бога, мечта он всех царств.

Свет его яркий, подобно пожару, зажег в их сердцах безрассудную жажду.

И тут же угас вековой их покой, их вера и братство разбились вдруг тьмой.

Скончался дорханг, и завеса упала, борьба разгорелась и кровью дышала.

Братья на братьев, отцы на сынов, даже дети обратили матерей в мертвецов.

Семьи дробились, как хрупкий кристалл, лучших своих

погребали в металл.

Эналдук застонал, пробудился от сна, гневался он, ведь греховна война.

Гора призывала к забвенью их расу – уничтожить, стереть, как пыль и проказу.

Но юный Тондарт, с тревогой в глазах, созвал верных братьев, забыв про свой страх.

В неравной борьбе, от безумцев сбежав, спасли они клан, с Камнем совладав.

Но сила его – лишь обман, пустота, весь ужас был в них, в их тайных мечтах.

Злоба, стремленья, желаний туман – вот что питало их, как лихой океан.

И жрец, что скрывался за маской святой, взошел на престол, став их новой судьбой.

Прикрывшись Толгаром, он правил недолго, но ересь его была без умолку.

Молодое поколение, чей разум был чист, не сдалось тирании, пусть путь и тернист.

В Храме священном, где кровь пролилась, сраженье свершилось, и правда нашлась.

Забыты обиды, раны залечены – клан вновь единый, хоть искалеченный.

И женщина зрелая, амбиций полна, поднялась как дорханг, среди гномов одна.

Она – блеск их будущего, новый рассвет, под властью ее
– только мирный завет.

Пусть камень блестит, пусть он манит собой, но тень от
него не затмит над землей

Того, что ценней, чем все клады и медь: лишь чистота по-
мыслов может узреть

Истинный свет в самой черной глуши, и в горе найти ис-
целенье души.

Последние ноты застыли в воздухе, сливаясь со скрипом
колес, но фухсы сидели в оцепенении, словно время остано-
вилось. Локсана прижимала ладонь к груди, ее карие глаза
расширились, отражая мелькавшие за окном деревья, став-
шие теперь лишь размытым фоном для пережитых эмоций.
Киран и Улада застыли с открытыми ртами, а Гайсан, замед-
лив повозку, обернулся к Лириану. В его обычно игривых
глазах светилось настоящее благоговение.

– Это... и правда магия, – прошептал он, забыв на мгно-
вение о дюноходах. Повозка слегка качнулась, колесо попа-
ло в колею, но даже этот толчок не вернул их к реальности.
– Я слышал, в тавернах говорили, что твоя музыка пробира-
ет до костей. Думал, это все от плохих закусок да хороше-
го эля... – он покачал головой, глядя на барда с новой оцен-
кой. – Но нет. Ты творишь чудо даже без волшебных свит-
ков, друг мой.

Лириан смущенно положил лютню на колени и провел пальцами по потертой деке.

– Спасибо, Гайсан. Но всему виной – прожитые годы среди полуросликов Мелколесья. Они научили меня ловить музыку там, где другие слышат только стук кружек. Вы бы видели их во время Праздника Корней – танцуют так, будто сама земля под ними поет. Без них я бы так и остался обычным скучным эльфом, что перепевает древние баллады.

– Никогда бы не поверила, – Локсана наконец обрела дар речи. – Эта история... о шахтерах... Я подумать не могла, что эти вечно угрюмые гномы могли такое скрывать. Мне казалось, они только и делают, что стучат кирками да пьют густой эль.

Эльф усмехнулся, бережно убирая свой инструмент.

– Так и есть, госпожа Локсана. Вот только их правители веками прятали правду за стенами Раффлхоллоу. Теперь, надеюсь, песня разнесет эту правду по всему Элдрадану. Горькую, но важную.

– И правильно, – кивнула фухсийка, поправляя камешки на шейле. – Замалчивать такое – все равно, что хоронить живых.

Тишину разорвал тихий всхлип. Киран, весь дрожа, подполз к Лириану и внезапно обнял его за ногу, уткнувшись мордочкой в зеленый камзол.

– Мне жаль их... – прошептал малыш в штанах на три размера больше. – Жалко шахтеров...

Лириан растерялся. Королевские концерты, овации в переполненных залах – ничто не подготовило его к детским слезам, вызванным песней. Он осторожно положил руку на мальчишку, похлопывая по пушистой головке.

– Рад, что тронул тебя, малыш. Значит, музыка сделала свое дело.

Когда Киран наконец выпустил барда, все заметили, что Улада тоже смахивает лапой по щеке. Она отвернулась к окошку, будто внезапно заинтересовалась летящими мимо воробьями.

– Спасибо, господин Рапсод, – пробормотала она украдкой.

Гайсан хлопнул в ладоши, нарушая тишину.

– Ну что ж, раз наши души починили, пора двигаться дальше! До заката доберемся до перевала Бронзового Феникса. А там – ночевка под звездами, которые на Востоке такие же яркие, как твои ноты, Лириан.

Повозка мерно покачивалась, разрезая лесную прохладу Мигоса. Солнце достигло зенита, золотя макушки краснолистных дубов. Внутри царила тихая гармония: Киран и Улада мирно спали, сплетенные в пушистый клубок, в то время как Локсана расставляла глиняные баночки с куркумой, шафраном и сушеной хурмой – восточными сокровищами для вечерней трапезы. Лириан, уловив момент, подсел к Гайсану на переднее сиденье, подставив лицо ветерку, до-

носящемуся с равнин.

– Позволь поинтересоваться, дорогой Гайсан, – начал он, попутно любуясь игрой мускулов дюноходов под меховой шкурой, – как ваша семья оказалась в зеленой Плиории, столь далекой от ваших знойных пустынь?

Фухс улыбнулся, ослабляя поводья, чтобы его звери шли свободнее.

– Ах, Лириан, тебе ли не знать ответ на этот вопрос? – рассмеялся он. – Мы решили объехать Элдрадан хоть раз за жизнь! Поторговать пустынными специями, показать детям цветущие долины Галифианора, услышать, как шумит океан у берегов Тхумии... Да и сидеть на месте – не для нас. Фухсийская душа требует дорожной пыли на хвосте.

Эльф задумчиво провел пальцем по резьбе на поручне.

– Прекрасно понимаю, о чем ты. Но не скрою, для меня, прожившего немало лет, мысль о странствиях с детьми выглядит... дерзко. Леса и горы Элдрадана прекрасны, но знаю я и темную изнанку: бандитские засады в захолустьях, нападения заргулитов в лесных чащах...

Гайсан кивнул. Над его бровями сформировалась складка пережитого.

– Правда твоя, друг. Когда мы покидали родной Аль-Ришап, страх грыз нас с Локсаной, будто песчаная рысь. Но нас успокоила Элдраданская Нить. – Он торжествующе указал вперед, где дорога терялась в дымке горизонта. – Великий путь, что проложил караван Финриса! По нему путникам не

страшны ни тролли под мостами, ни воры в каньонах – ведь его патрулирует дозор Торгового Альянса.

Глаза Лириана вспыхнули, как два фитиля в темноте.

– Караван Финриса? – переспросил он, подтягиваясь ближе. – Никогда не слышал об этой легенде!

Гайсан замер, ошеломленный, затем рассмеялся, обнажая мелкие острые клыки.

– Неужто великий собиратель баллад не встречал имени величайшего из фухсов? Финрис – тот, кто бросил вызов границам! Он прошел сквозь раахаканскую саванну, лифемские джунгли, песчаные Дюны и заледенелые равнины Эсхолода! Взбирался на Эмберморнские горы и заплывал в Звероземье! Выбирался из бандитского плена и сталкивался с ужасающими чудовищами! В пути он чуть не потерял все, что у него было, но все-таки вернулся домой целым и невредимым, хоть и заплатил за это определенную цену.

Дух Лириана трепетал. Пальцы его непроизвольно сжали блокнот, будто готовясь записывать прямо в воздухе.

– Это... потрясающе. Ты знаешь историю во всех деталях? Ноты так и просятся на пергамент!

Гайсан выпрямился, принимая позу сказителя. Солнце брызнуло золотом по его плащу.

– Естественно, знаю! Эта сага передается в нашем народе с давних времен. Приготовь уши и лютню, бард, ибо история Финриса заслуживает не просто песен – а симфонии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.